

"Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии",
№54, Симферополь, 1918 г.

Ф. Шмит

О ТМУТАРАКАНИ.

Не такъ давно А. А. Спицынъ посвятилъ „Тмутараканскому камню“ обширную статью, въ которой приходитъ къ выводу, для него самого, повидимому, нѣсколько неожиданному, что „Тмутараканскій камень“ долженъ быть признанъ подлиннымъ. Надо думать, что больше спора объ этой подлинности не будетъ.

Сама по себѣ надпись на камнѣ лишена значенія: что въ 1068 году князь Глѣбъ мѣрилъ по льду разстояніе между Тмутараканью и Керчью и получилъ 14000 сажень—кому это важно? Самъ А. А. Спицынъ указываетъ, что суть надписи заключается для историка, прежде всего, въ томъ, что ею достаточно точно опредѣляется мѣстоположеніе „одного изъ русскихъ княжествъ“. Я бы такъ не выразился: Тмутаракань была не—одно изъ многихъ русскихъ княжествъ, точное географическое опредѣленіе которыхъ интересно развѣ для специалистовъ, а была однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ древнѣйшей Руси, и съ вопросомъ о Тмутаракани связанъ вопросъ о первыхъ порахъ русской культуры вообще и объ ея происхожденіи. /o

Извѣстно, что кievскій Начальный лѣтописный сводъ составленъ тенденціозно: всѣ тѣ факты, которые нельзя примирить съ доктриною о монархическихъ правахъ кievской династїи Рюриковичей и объ исконной связи русской церкви съ вселенскою константинопольскою церковью, или искажаются, или замалчиваются. Именно въ виду такого положенія дѣла очень знаменательно молчаніе кievской лѣтописи о Тмутаракани и болтливостя ея о Херсонисѣ. О Тмутаракани въ лѣтописи упоминается впервые только въ связи съ „сыномъ Владиміра святого и братомъ Ярослава Мудраго“ Мстиславомъ, причемъ Мстиславъ представляется лѣтописцу гораздо болѣе черниговскимъ, чѣмъ тмутараканскимъ княземъ: хотя, правда, самъ же лѣтописецъ приводитъ, и самъ того не замѣчая, данныя, которыя заставляютъ усумниться въ правильности его взгляда. /o

Лѣтописецъ, ссылаясь на греческій источникъ, сообщаетъ, что въ 6360 г., „приходиша Русь на Царьгородъ“. Какая это Русь, не говорится: такъ какъ она дѣйствуетъ въ 852 г., т. е. до призванія варяговъ, лѣтописецъ ею не интересуется и упоминаетъ о ней вообще лишь потому, что ему показалось неудобнымъ промолчать о событіи, записанномъ „въ лѣтописаньи гречьстѣмъ“. Все вниманіе лѣтописца сосредоточено сначала на Новгородѣ и на Кіевѣ, пока устраивалась варяжская династія, потомъ на Кіевѣ и Константинополѣ, пока устраивалась русская церковь.

Если мы хотимъ возстановить подлинную исторію древнѣйшей Руси, независимо отъ политическихъ вождѣній кіевскихъ официальныхъ круговъ первой половины XI-го вѣка, мы должны обратиться къ инымъ источникамъ, греческимъ и, преимущественно, арабскимъ. Для этихъ источниковъ Русь живетъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, дѣлаетъ грабительскіе набѣги на прибрежныя византійскія области и даже на самый Константинополь, переправляется на Каспійское море, волокомъ перетаскивая свои суда изъ Дона на Волгу, грабитъ прикаспійскія области и торгуетъ всякимъ добромъ даже на рынкѣ Багдада. Городъ Руса, или Русія стоитъ не то у устья Дона, на Азовскомъ морѣ, не то на берегу Чернаго моря. Были у русовъ свои князья, была у нихъ своя цивилизація, уже въ срединѣ IX вѣка они—хоть часть ихъ—принимаютъ христіанство и имѣютъ богослужебныя книги на русскомъ языкѣ.

Экспансивныя стремленія черноморской Руси были, повидимому, очень сильны. Подробно мы, разумѣется, не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ, были ли у Тмутараканской державы сколько нибудь постоянныя границы, и гдѣ именно эти границы проходили. Для того, чтобы дѣлать далекіе походы и сражаться съ могучими сосѣдями, надо имѣть базу, надо имѣть свою область, гдѣ бы могли жить въ безопасности семьи воиновъ, гдѣ бы пребывало ихъ хозяйство и ихъ имущество. Судя по походамъ, черноморская Русь была богата людьми и должна была занимать обширную страну. Такою страною могли быть только степи Приазовскія и Донскія. На юго-востокѣ по черноморскому побережью жили абхазцы, на востокѣ жили ясы и касоги, на сѣверо-востокѣ было хазарское царство, на западѣ въ Крыму находились византійскія владѣнія.

Тмутаракань была своего рода Кронштадтомъ, лежащимъ на далекой окраинѣ старуны, защищавшимъ ея выходъ къ открытому морю. Черезъ Тмутаракань должна была итти вся тор-

говля между сѣверомъ и югомъ, — по Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тмутаракань была и военнымъ центромъ, чрезвычайно удобнымъ для всѣхъ тѣхъ экспедицій, которыя предпринимались тмутараканскими князьями.

Такъ было до Мстислава. И онъ еще дѣлаетъ въ 1022 г. походъ на касоговъ, т. е. на сѣверный Кавказъ. Но это былъ, повидимому, послѣдній походъ; онъ покорилъ касоговъ окончательно, и съ тѣхъ поръ они составляютъ его дружину. Съ ними вмѣстѣ и съ хазарами онъ отправляется завоевывать Сѣверскую землю.

Нужно прочесть весь рассказъ лѣтописи о томъ, какъ никому невѣдомый захолаустный князекъ идетъ на Кіевъ, какъ Ярославъ набираетъ варяжскую дружину и терпитъ пораженіе, какъ Мстиславъ забираетъ себѣ всю страну на востокъ отъ Днѣпра, и какъ Ярославъ не смѣлъ (такъ и сказано въ лѣтописи) возвращаться въ Кіевъ. — чтобы понять, что дѣло обстояло не такъ, какъ повѣствуетъ Кіевскій сводъ.

Лѣтопись по поводу битвы у Листвена, въ которой Ярославу было нанесено пораженіе, рассказываетъ такой анекдотъ: Мстиславъ поставилъ противъ варяговъ — сѣверянъ, т. е. жителей черниговской страны, а „съ дружиною своею“ сталъ „по крилома“; сѣверяне разбили варяговъ; утромъ Мстиславъ „видѣ лежаща исѣчены свои Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, и рече: Къто сему не радъ? се — лежитъ Сѣверянинъ, а се — Варягъ, а дружина своя цѣла“. Едва ли такъ сталъ бы говорить князь черниговско-сѣверскій, если бы онъ себя чувствовалъ именно черниговско-сѣверскимъ княземъ, если бы Сѣверъ былъ ему роднымъ, а не былъ завоеваннымъ краемъ.

Въ Черниговѣ Мстиславъ началъ строить Спасскій соборъ. Къ моменту своей смерти, къ 1036 году, онъ не успѣлъ закончить постройки: доканчивать пришлось преемникамъ Мстислава. Но фундаменты и низы стѣнъ возведены между 1026 и 1036 годами. И мы видимъ, что по самому своему плану и замыслу черниговскій Спасъ никоимъ образомъ не можетъ быть связанъ съ Константинопольскимъ зодчествомъ, но имѣетъ ближайшія аналогіи въ Абхазіи и на Кубани. Если имѣть въ виду всѣ только что изложенные факты, это не можетъ, конечно, насъ удивить.

Но вотъ что удивительно: и кіевская св. Софія, заложенная еще въ 1017 году, гораздо раньше появленія Мстислава въ Черниговѣ, тоже не можетъ быть возведена ни къ херсонисскимъ, ни къ константинопольскимъ образцамъ, а только къ тѣмъ же

абхазскимъ и кубанскимъ, и тоже становится вполне понятной только какъ звено въ эволюціи не цареградской архитектуры, а кавказской. Что же это значитъ?

А это значитъ, что культурное вліяніе Тмутараканской Руси не Мстиславомъ началось, какъ оно имъ не кончилось. Гораздо раньше, чѣмъ Мстиславъ усвоилъ себѣ сѣверную, сѣверскую политическую „оріентацію“, какъ теперь принято выражаться, гораздо раньше чѣмъ онъ подчинилъ своей власти всю „лѣво-бережную Украину“, существовало культурное теченіе изъ приазовскаго края и изъ Придонья на сѣверо-западъ. Оно подготовило христіанизацию Кіева, которая, конечно, не случилась такъ, какъ представляетъ кіевская лѣтопись, по щучьему велѣнію — по Владимірову хотѣнію, сразу и внезапно, а было ~~под-~~готовлено... кѣмъ? не константинопольскими же греками, и не варяжскими же купцами, чуждыми — и тѣ, и другіе — кіевлянамъ! Оно/это тмутараканское теченіе, принесло въ Кіевъ и тѣ художественныя формы, которыхъ требовалъ новый культъ.

Я сказалъ только что, что не Мстиславомъ кавказское культурное вліяніе и закончилось. Въ самомъ дѣлѣ, есть одинъ удивительный текстъ, который до сихъ поръ, какъ будто, не оцѣненъ по достоинству, — я говорю о рассказѣ Кіево-Печерскаго патерика о созданіи росписи Лаврскаго собора.

Въ Патерикѣ говорится о томъ, что явились въ монастырь „писци иконніи“, чудесно вызванные на работу — откуда? разумѣется: изъ „богохранимаго Константина града“! Вѣдь было бы совершенно неприлично, если бы столь славная святыня оказалась расписанною не греческими, не столичными цареградскими „писцами церковными“. Только, нѣсколькими строками ниже, художники оказываются уже „греками и обезами“; и въ дальнѣйшемъ говорится о „грекахъ и обезахъ“. Обезы — абхазцы; это совершенно недвусмысленно устанавливается, между прочимъ, повѣстью о нашествіи татаръ (1224), гдѣ обезы названы вмѣстѣ съ ясами и др. племенами, живущими между Каспійскимъ и Чернымъ морями.

Основаніе Кіево-Печерскаго собора Патерикъ относитъ къ 6581 (1073) году. Итакъ, послѣ 1073 года, въ концѣ XI вѣка, абхазцы — художники являются въ Кіевъ и привозятъ съ собою мусію, „еюже святой алтарь устроиша“. Именно XI-й вѣкъ — вѣкъ процвѣтанія мозаичной живописи на Кавказѣ...

Мнѣ скажутъ: все это не ново! Вѣрно, все это высказывалось уже раньше; въ послѣднее время на крупномъ значеніи Тмутаракани въ начальную пору русской культурной исторіи

особенно настаивалъ Вл. Пархоменко въ своей книжкѣ о началѣ христіанства на Руси; о кавказскихъ образцахъ для древнерусскихъ каменныхъ храмовъ подробно говорилъ я въ послѣднемъ томѣ Византійскаго Временника, въ своихъ замѣткахъ о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.

Все это не ново. А сдѣлано ли то, что должно быть сдѣлано, если Тмутаракань — первая, древнѣйшая культурная столица Руси? Проведено ли — да что: проведено! начато ли, хотя бы, археологическое изслѣдованіе Тмутараканскаго края, систематическое и научное? Не знаю — не слыхалъ. Такъ вѣдь надо же когда нибудь начать! Кому начинать? Ясно: тѣмъ, кто сейчасъ живетъ на старѣхъ насиженныхъ мѣстахъ. Въ первую очередь, тому вновь основанному Ростовскому Историко-археологическому Институту, который долженъ стать археологическимъ центромъ Приазовской области. А затѣмъ: я полагаю, что до Тамани и до Кубани ближе изъ Крыма даже, чѣмъ изъ Ростова. Надо мобилизовать всѣ силы: Тмутаракань и Черноморскую русскую культуру надо еще открыть, открыть изъ-подъ земли, и въ этомъ наша очередная, неотложная задача.

Всѣ мы (и тѣ, кто его лично знаетъ. и тѣ, кто его лично никогда не видалъ), всѣ мы, изучающіе памятники древности южной Россіи, — почитатели и, до извѣстной степени, ученики А. Л. Бертье-Делагарда. Почтить старшаго товарища и учителя можно двояко: можно любовно остановиться на прошломъ, на томъ, что имъ сдѣлано, и можно работать дальше и итти впередъ, какъ шель впередъ онъ. Первое хорошо, но второе, по моему, лучше. Дружно впередъ, господа: намъ осталось сдѣлать еще очень много!

Э. Шмитъ.